

Империалистические противоречия в бассейне Средиземного моря (весна — лето 1939)

Международные отношения периода предвоенного политического кризиса в Европе привлекают особое внимание советских историков. Среди них проблемы обострения империалистических противоречий и политики великих держав в бассейне Средиземного моря остаются недостаточно исследованными. Между тем анализ обстановки, создавшейся в этом регионе, позволяет полнее и глубже осветить ведущие противоречия капиталистических стран Европы, которые привели к развязыванию второй мировой войны.

Некоторые аспекты соперничества держав в Средиземноморье затрагиваются в общих и специальных работах советских историков¹. Вопросы, связанные с расстановкой военно-политических сил в Юго-Восточной Европе, Средиземноморье и на Ближнем Востоке, рассматриваются в статьях коллектива исследователей Уральского университета во главе с доктором исторических наук И. Н. Чемпаловым. Большое внимание уделяется борьбе держав оси за сферы влияния, а также политике Англии и Франции на Балканах и Ближнем Востоке в предвоенные годы².

В данной статье, связанной по проблематике с упомянутыми работами, ставится задача выяснить причины обострения противо-

¹ История дипломатии, т. 3. М., 1965; История внешней политики СССР, ч. 1. М., 1976; Н. Д. Смирнова. Балканская политика фашистской Италии. М., 1969; В. А. Секистов. Война и политика. М., 1970.

² И. Н. Чемпалов. Итало-германские переговоры о военном сотрудничестве и разграничении сфер влияния в Юго-Восточной Европе и Средиземноморском бассейне. — В сб.: Балканы и Ближний Восток в новейшее время, вып. 2. Свердловск, 1973; Он же. Предоставление англо-французских гарантий Польше, Румынии, Греции и Турции. — В сб.: Балканы и Ближний Восток в новейшее время, вып. 4. Свердловск, 1975; Он же. Политика великих держав на Балканах в период предвоенного политического кризиса в Европе. — В сб.: Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933—1941). Свердловск, 1976; Ю. С. Кирьяков. Планы «нейтрального блока» на Балканах и болгаро-германские отношения весной — летом 1939 г. — В сб.: Балканы и Ближний Восток в новейшее время, вып. 3. Свердловск, 1974; В. А. Кузьмин. Политика великих держав на Ближнем Востоке в период политического кризиса 1939 г. — В сб.: Балканы и Ближний Восток в новейшее время, вып. 4.

речей и борьбы двух империалистических группировок, а также положение внутри них в марте — июне 1939 г. применительно к политике держав в Восточном Средиземноморье. Особое внимание уделено попыткам англо-французского блока помешать созданию и укреплению союза стран оси и их экспансии в направлении Средиземного моря и Ближнего Востока.

В конце 1938 — начале 1939 гг. заметно возросла напряженность между тремя ведущими державами Средиземноморья — Англией, Францией и Италией. Вслед за выдвижением территориальных и иных претензий к Парижу итальянские фашисты заметно увеличили свои войска в Ливии, а в начале марта 1939 г. сюда совершил инспекционную поездку начальник генерального штаба маршал П. Бадольо. Печать Италии подчеркивала, что во время предстоящего отпуска Геринг посетит Ливию³.

Англия вела в это время сложную дипломатическую игру, она добивалась примирения между Римом и Парижем, что фактически предполагало удовлетворение итальянских требований. Франция вела секретные переговоры с Италией, в частности через П. Бодуэна, но не спешила делать уступки. В начале марта 1939 г. в западных столицах решили продемонстрировать твердость в средиземноморской политике. 5—7 марта верховный резидент французской Северной Африки генерал О. Ногес посетил «линию Марет» — полосу укреплений на тунисско-ливийской границе — и провел совещание с командным составом войск в Алжире и Тунисе. Финалом всего мероприятия стало заседание Верховного комитета Средиземноморья в Париже и официальный прием 9 марта. Участие президента Лебрена и премьера Даладье и характер их речей подчеркивали решимость правящих кругов Франции защищать свои позиции в Средиземноморье, в частности, территории североафриканской колониальной империи⁴.

Аналогичные шаги сделали англичане. 8 марта военный министр Л. Хор-Белиша заявил в палате общин о намерении правительства «разместить на Ближнем Востоке стратегический резерв Британской империи»⁵.

15 марта 1939 г. захватом Чехословакии гитлеровцы ввергли Европу в предвоенный политический кризис. Их действия вызвали серьезную озабоченность британских правящих кругов, стремившихся сохранить свои позиции на Балканах и в Восточном Средиземноморье⁶. 16 марта орган английских монополий, связанных с колониальными интересами на Востоке, подчеркнул возрастающее значение этого региона в большой стратегии Лондона и вновь привлек внимание к заявлению Хор-Белиши. Там говорилось, что «ближневосточный стратегический резерв предназначается для

³ "Le Temps", 5, 6, 9. III. 1939.

⁴ Ibid., 10. III. 1939.

⁵ "The Times", 9. III. 1939.

⁶ Подробнее см.: И. Н. Чемпалов. Предоставление англо-французских гарантий..., с. 85—88.

использования в радиусе британских интересов в этой части мира»⁷.

18 марта в связи с паникой, охватившей английскую дипломатию после распространения слухов о прямой германской угрозе Румынии, британский кабинет обсуждал возможность продвижения Германии к Эгейскому морю, и шансы Лондона в таком случае оценивались невысоко⁸. Вероятно, данное обсуждение стало отправным моментом при разработке Англией системы мер для защиты своих средиземноморских и ближневосточных позиций от германской угрозы.

В этой ситуации политика англо-французских союзников относительно Италии приобретала большое значение. 17 марта в Форин Оффис поступили сообщения, что Муссолини намерен «обойти» Гитлера, предъявив ультиматум Франции или захватив Албанию. Действительно, 15 и 16 марта в Риме обсуждался вопрос, оккупировать Албанию в ближайшие дни или выждать некоторое время⁹. Одновременно фашистская верхушка Италии решала, какую альтернативу выбрать в отношениях с Германией: форсировать заключение военно-политического союза, учитывая благоприятный момент, или продолжить торг с Западом, набивая тем самым себе цену в Берлине. Был избран второй путь¹⁰. В результате случилось любопытное совпадение действий английской и римской дипломатии. 19 марта Чемберлен одобрил текст обращения к Муссолини, которое, по словам проницательного и хорошо осведомленного Кадогана, было «похоже на просьбу о новом Мюнхене». И в тот же день Чиано записал в своем дневнике: «Сегодня трудился с дуче над проблемой взаимопонимания с западными державами»¹¹.

Гитлеровцы, допуская возможность нежелательных действий со стороны Италии, прибегли к серии демонстраций в надежде убедить недовольного партнера в выгодности оси и для него, особенно в будущем. Венцом этих усилий стала беседа фюрера с послом Аттолико 20 марта, в которой Гитлер призывал итальянцев не спешить с развязыванием конфликта в Средиземном море¹². Одновременно было объявлено о возобновлении Герингом прерванного отпуска.

26 марта в речи по случаю годовщины фашистского движения Муссолини изложил свой подход к «взаимопониманию» с англо-французами. Прежде всего, были официально сформулированы

---

⁷ "Great Britain and the East", 16. III. 1939.

⁸ PRO, Cab. 23/98, 12(39).

⁹ The Ciano Diaries 1939—1943. L., 1947, p. 44.

¹⁰ При всей субъективности записи Чиано отражают реальные опасения римских правителей оказаться на сугубо второстепенных ролях в предполагаемом союзе. — The Ciano Diaries 1939—1943, p. 44—48.

¹¹ The Diaries of Sir A. Cadogan 1938—1945. L., 1971, p. 162; The Ciano Diaries 1939—1943, p. 48.

¹² DGFP, ser. D, vol. 6, p. 57—62.

претензии к Франции: Тунис, Джибути, Суэцкий канал. Прозвучала скрытая угроза, что если французы откажутся обсуждать эти требования и будут повторять свое категорическое «никогда», пропасть между двумя странами станет непреодолимой¹³. В сущности дуче дал ответ на упомянутое письмо Чемберлена: Италия не предпримет инициативы в деле сохранения европейского мира «до тех пор, пока ее священные права не будут признаны». Наконец, он еще раз подчеркнул, что «географически, исторически, политически и в военном отношении Средиземноморье является жизненно важным районом для Италии»¹⁴.

Выступление Муссолини означало, что Рим ставил вопрос о переделе сфер влияния в бассейне Средиземного моря в форме разумного, с точки зрения итальянских фашистов, соглашения с западными державами. Французские мюнхенцы приветствовали такой подход. Парижская «Тан» отметила, что итальянские требования «стали более четкими и ограниченными» и что «мосты между Римом и западными демократиями не сожжены». Она советовала примириться с тем, что Италия первой не станет делать шаг к официальному началу переговоров, и самим сделать его. «Как бы то ни было, — заключал орган французских монополий, — речь дуче открывает возможность для начала переговоров. Это фундаментальный факт. Италия не отбросила идею соглашения с Францией»¹⁵.

Официальные круги в Лондоне встретили речь Муссолини весьма положительно. Руководство Форин Оффис оценило ее как осторожную попытку возобновить контакт с Парижем. Орган британских имперских кругов превозносил ловкость римской дипломатии, сумевшей «оставить все двери открытыми, чтобы приобрести друзей вне оси». «Святая обязанность всех, кто заинтересован в сохранении мира в Европе, — говорилось далее, — состоит в том, чтобы эти двери оставались открытыми... Необходимо как можно скорее сделать решительную попытку восстановления франко-итальянских отношений»¹⁶. Наконец, был дан совет согласиться на «удовлетворительное для обеих сторон» решение проблем Джибути, Суэца и Туниса.

Позиция английской правящей верхушки вытекала из стремления использовать итало-германские противоречия, намек на которые содержался в речи Муссолини. В своем замечании об Адриатике он недвусмысленно дал понять, что Италия считает сферой своего безраздельного влияния все территории и страны, примыкающие к «этому заливу Средиземного моря». Британские имперские круги не без оснований увидели в этом признак того, что Рим

---

¹³ "Le Temps", 27. III. 1939.

¹⁴ DGFP, ser. D, vol. 6, p. 126.

¹⁵ "Le Temps", 28. III. 1939.

¹⁶ "Great Britain and the East", 30. III. 1939, p. 344.

вовсе не хотел видеть Германию на средиземноморском побережье¹⁷.

Примирительный аспект речи Муссолини не устраивал гитлеровцев. Поэтому в Берлине сделали упор на другую сторону выступления дуче. А чрезмерно горячая поддержка немецкой печатью итальянских претензий еще больше обнажила существо позиций гитлеровцев. Выдвижение перед Парижем дилеммы: либо немедленное принятие требований дуче, либо неизбежность войны, а также аналогия средиземноморской ситуации конца марта 1939 г. с положением в Центральной Европе накануне Мюнхена дали основание французским политическим кругам обвинить Берлин в том, что там вообще не хотят допустить франко-итальянского сближения¹⁸.

Теперь многое зависело от содержания, даже формы ответа Франции. Накануне Галифакс поручил своему послу во Франции Э. Фиппсу дать совет в таком духе: французы должны приветствовать конкретизацию итальянских требований и предложить начать переговоры через обычные дипломатические каналы¹⁹. Это было именно то, чего добивались римские правители.

Однако речь Даладье 29 марта не отвечала надеждам Лондона. Слишком очевидным было то, что выгоды соглашения с Италией в лучшем для Парижа случае были бы равноценны в сравнении с Лондоном, тогда как расплачиваться пришлось бы за счет колониальных владений Франции²⁰. Даладье категорически отклонил переговоры с целью уступок колониальных территорий или расширения прав итальянцев в Тунисе: «Мы не отдадим ни дюйма наших владений, ни одного из наших прав». В то же время он дал понять, что Франция пойдет на переговоры о Джибути и Суэцком канале, если итальянцы представят доказательства своей взаимности. Париж явно не хотел «перекупать» Италию только за свой счет, а тем более по «наивысшей ставке»²¹.

Таким образом, уже в мартовских событиях предвоенного политического кризиса отчетливо проявилось различие тактики англо-французов относительно держав оси. Перед Германией они были вынуждены демонстрировать «твердость и решимость сопротивляться агрессии», и 31 марта стало известно о гарантиях Польше. По отношению к Италии явно преобладала тактика примирения, демонстрация готовности к «доверительным переговорам» и «разумным уступкам».

Активные действия британской дипломатии в Риме шли гораздо дальше содействия франко-итальянскому сближению. В пря-

---

¹⁷ *Ibid.*, p. 341.

¹⁸ "Le Temps", 29. III. 1939.

¹⁹ DBFP, ser. 3, vol. 4, N 381.

²⁰ Кадоган подтверждает, что по мнению Лондона именно французы должны были уплатить высокую цену. — *The Diaries of Sir A. Cadogan 1938—1945*, p. 162.

²¹ "Le Temps", 31. III. 1939; *The Diaries of Sir A. Cadogan 1938—1945*, p. 162.

мой связи с речью Муссолини 26 марта Кадоган упоминает о «наброске краткого заявления Чемберлена об отказе дать информацию о ходе переговоров». Несколько дней спустя «Тан» со ссылкой на римские источники сообщила, что «Лондон добивается согласия Италии на созыв конференции с участием Англии, Франции, Германии, Италии, Польши, Румынии, Греции..., на которой Италия могла бы играть полезную роль посредника»²². И если учесть, что 22 марта президент США Рузвельт посоветовал дуче выступить «с инициативой проведения дискуссии между некоторыми европейскими нациями»²³, то правомерно сделать вывод, что имелись в виду какие-то реальные шаги британской дипломатии²⁴.

Лондон стремился использовать недовольство итальянских фашистов значительным усилением мощи Германии в результате захвата Чехословакии²⁵. Он добивался не только направления гитлеровской агрессии на Восток, в конечном счете против Советского Союза, но одновременно ослабления сотрудничества партнеров по оси и даже срыва образования военно-политического союза фашистских держав в Европе.

Но методы «джентльменского соглашения» уже не устраивали итальянских правителей, избравших путь параллельных действий и тактику «свершившихся фактов» по примеру своего более сильного партнера. Они верно подметили, что британские официальные круги весьма спокойно относились к возможной оккупации Албании итальянскими фашистами, считая ее «началом центрально-европейской акции по образцу Гитлера», которая не только ослабит претензии Рима к Парижу, но и станет препятствием германской экспансии к Средиземному морю²⁶.

В начале апреля 1939 г., когда многочисленные слухи о близкой оккупации Албании стали беспокоить англо-французскую публику, Лондон передал через агентство Рейтер заявление, которое успокаивало общественность, а не предостерегало Италию от рискованного шага. На заседании британского кабинета 5 апреля, за день до начала албанской акции, Галифакс определил подлинное отношение своего правительства к ней. «Если Италия предпримет какую-либо акцию в Албании, ее действия должны быть восприняты в такой форме, которая не позволит серьезное осуждение». Буквально накануне в Лондоне получили досто-

²² "Le Temps", 3. IV. 1939.

²³ FRUS, 1939, vol. 2, p. 622.

²⁴ И. Н. Чемпалов. Предоставление англо-французских гарантий..., с. 107.

²⁵ Это недовольство не только фиксировалось в конфиденциальном порядке, о чем свидетельствует дневник Чиано. Даже Муссолини усомнился в искренности заверений гитлеровцев о том, что «Средиземное море никогда не должно стать германским морем», и потому намекнул в речи 26 марта о нежелательности видеть немцев на берегах Адриатики. Наконец, в письме посла в Берлине Аттолико статс-секретарю МИД Германии Вейцекеру прямо говорилось: «Необходимо заново сформулировать в письменном виде наши взаимные интересы в рамках оси». — DGFP, ser. D, vol. 6, N 140.

²⁶ "Great Britain and the East", 30. III. 1939, p. 346.

верную информацию посла Перта о том, что «Италия захватит Албанию в ближайшие дни... Правительство полагает, что это можно сделать, не рискуя международным осложнением»²⁷. Более лояльную позицию в отношении фашистского агрессора трудно себе представить, особенно если учитывать настроения британской и европейской общественности.

Такое отношение объяснялось, естественно, не симпатией к Муссолини. Как раз в эти дни английская дипломатия усиленно пыталась возобновить франко-итальянские контакты. 6 апреля Перт сообщил Галифаксу, что французский посол в Риме А. Франсуа Понсэ принял энергичные меры, чтобы начать переговоры, направив в Париж своего советника и личное письмо министру иностранных дел Боннэ. Часть французского кабинета соглашалась с Понсэ, но Даладье был против, и послу не разрешили встретиться с Чиано. Перт был полностью согласен с Понсэ и советовал помочь в этом плане через Париж²⁸.

Галифакс в тот же день телеграфировал Фиппсу: «Я пришел к выводу, что недавние события заставили правительство Италии принять менее жесткую точку зрения на отношения с Францией, чем это кажется на первый взгляд. Поэтому оно было бы готово вступить в переговоры с французским правительством, если оно разрешит своему послу в Риме показать итальянцам подобную же готовность со стороны Парижа»²⁹.

Английское посольство в Риме через Н. Чарльза, первого помощника Перта, вело параллельный зондаж относительно переговоров между Францией и Италией. Оно и обнадежило Галифакса, который предложил Фиппсу изложить Боннэ фактическую сторону действий Чарльза и сослаться на то, что последний выступил якобы «по собственной инициативе, без указаний из Лондона»³⁰. Наконец, британское правительство сообщило, что готово содействовать установлению контактов в Лондоне между французским послом Корбенем и его итальянским коллегой Гранди.

Англичане, вероятно, рассчитывали на то, что итальянские фашисты накануне албанской акции не рискнут отвергнуть англо-французскую инициативу и таким образом будут в известной мере связаны на будущее. В любом случае предложение Галифакса являлось попыткой посредничества между Италией и Францией вопреки желанию последней. По существу Лондон толкал французов на все ту же роль «главного плательщика» в англо-франко-итальянском торге.

Оккупация Албании означала дальнейшее обострение противоречий между двумя империалистическими группировками в

²⁷ PRO, Cab. 23/98, 18(39); DBFP, ser. 3, vol. 5, N 68.

²⁸ DBFP, ser. 3, vol. 5, N 76.

²⁹ Ibid., N 79, p. 126. Под «недавними событиями» министр, очевидно, подразумевал захват Чехословакии и гарантии Польше. Тем самым подтверждается расчет Лондона на внутреннюю напряженность отношений партнеров по оси.

³⁰ DBFP, ser. 3, vol. 4, N 386, 387; vol. 5, N 79.

бассейне Средиземноморья³¹. В такой обстановке Фиппс не решился поднимать в Париже вопрос о согласии на установление франко-итальянских контактов. Но мюнхенское крыло французского кабинета оставалось «полно решимости» уладить отношения с Италией. Боннэ, их наиболее яркий представитель, заявил, что «Франция никоим образом не обязана защищать Албанию силой оружия». Это вполне устраивало британского дипломата, который 6 апреля, в день начала албанской акции, сообщил в Лондон: «Если и когда албанское дело будет улажено, я смогу подступить к Даладье с большими шансами на успех»³².

Захват Албании и тот международный резонанс, который приобрела эта акция, явились прелюдией к предоставлению западными державами гарантий Греции и Румынии, а также ускорили переговоры между Лондоном и Анкарой о принятии союзной декларации. Однако было бы серьезным упрощением полагать, что действия Италии стали основной, а тем более единственной причиной указанных действий западной дипломатии. Их истоки коренились в событиях 15 марта 1939 г. и их воздействии на позиции британского и французского империализма на Балканах, в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке.

18 марта, излагая на заседании кабинета основы английской большой стратегии в этом районе, министр координации обороны адмирал Четфилд подчеркнул необходимость для Лондона иметь поддержку Турции и Греции на случай серьезной германской угрозы в Восточном Средиземноморье. «Если Румыния будет повержена и Германия продвинется к Эгейскому морю, — заявил он, — мы рискуем стать второразрядной державой»³³.

20 марта английский комитет начальников штабов подготовил «Меморандум британской стратегии» для предстоящих в конце марта — начале апреля англо-французских штабных переговоров³⁴. Он исходил из гипотезы, что в случае войны Германии с англо-французами Италия наверняка вступит в нее на стороне гитлеровцев, но исключал возможность самостоятельной войны Италии против западных союзников без поддержки партнера по оси³⁵.

В Лондоне и Париже не считали Италию серьезным противником даже в союзе с Германией и в первой, наиболее опасной для себя, фазе борьбы не ожидали от нее реальной угрозы, кроме воздушного наступления в центральном бассейне Средиземного моря. Во второй же фазе — «периоде равновесия» — западные

---

³¹ Подробнее см.: И. Н. Чемпалов. Предоставление англо-французских гарантий..., с. 110—111; Н. Д. Смирнова. Балканская политика фашистской Италии, гл. 2.

³² DBFP, ser. 3, vol. 5, N 85.

³³ PRO, Cab. 23/98, 12(39).

³⁴ О переговорах см.: Д ж. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1959, с. 32.

³⁵ British Strategic Memorandum.— PRO, Cab. 29/159, AFC. 1, p. 4.

союзники рассчитывали вывести ее из войны³⁶. Наконец, анализ англо-французской политики в отношении Италии с начала 1939 г. показывает, что взгляд на нее как на вероятного противника был скорее рабочей гипотезой на будущее, а в ближайшей перспективе речь шла о превращении ее в благожелательно нейтральную страну. В одном из итоговых исследований английских историков о британской большой стратегии в отношении Италии накануне войны признается: «Было очевидно, что не только министры, но и их профессиональные советники были озабочены тем, чтобы прийти к некоторого рода взаимопониманию с Италией, которое заставило бы ее оставаться нейтральной»³⁷.

29 марта в разгар обсуждения вопроса о гарантиях Польше в материалах английского правительства появилось первое указание на возможность предоставления Турции и Греции определенных заверений. В тот день Галифакс сообщил своим коллегам: «В ближайшее время нам, возможно, придется заявить Турции и Греции, что, если они окажутся вовлеченными в военные действия на Средиземном море, мы придем к ним на помощь; равным образом мы ожидаем, что они окажут нам помощь, если мы окажемся в войне в этом же районе»³⁸.

Учитывая курс политики западных держав в отношении Италии и появление массы слухов о подготовке германского продвижения к бассейну Восточного Средиземноморья после подписания германо-румынского экономического соглашения 23 марта 1939 г., можно с достаточным основанием утверждать, что в качестве противника в данном случае подразумевалась прежде всего Германия. Идея подключения Турции и Греции в систему британских гарантий была частью более широкого замысла Лондона использовать страны Восточной и Юго-Восточной Европы для вооруженной борьбы с державами оси в том случае, если Германия избрет очередным направлением своей агрессии не восток, а Балканы — Восточное Средиземноморье — Ближний Восток³⁹.

В связи с оккупацией Албании арсенал действий английского правительства в отношении Италии стал разнообразнее, а общая линия более гибкой. Дипломатические усилия по скорейшему разрешению «албанского инцидента», т. е. фактическому и формальному признанию включения Албании в «великую итальянскую империю», сочетались со сдержанными предупреждениями и демонстрацией прочности британских позиций в Восточном Средиземноморье.

В тактических линиях Лондона и Парижа имелись некоторые

---

³⁶ Ibid., AFC, 1, p. 41.

³⁷ N. Gibbs. British strategic doctrine 1918—1939.— In: The theory and practice of war. Essays presented to Captain B. H. Liddel Hart on his seventieth birthday. Ed. by M. Howard. L., 1965, p. 203.

³⁸ PRO, Cab. 23/98, 15(39), p. 122. Следует обратить внимание на порядок перечисления стран. Турция не случайно стоит на первом месте.

³⁹ И. Н. Чемпалов. Предоставление англо-французских гарантий..., с. 103.

различия. Во французском кабинете группа Даладье заняла более алармистскую и непримиримую позицию. 8 апреля генеральный секретарь французского МИД А. Леже сообщил, что по мнению французов, Рим может нанести новые удары в Тунисе, Кофру или Египте. Упоминалась даже внезапная атака на Гибралтар ⁴⁰. На другой день Даладье заявил, что «есть все основания считать албанский удар лишь прелюдией к большому итало-германскому наступлению от Северного моря до Египта» и что комитет национальной обороны Франции решил значительно увеличить морские и воздушные силы в Средиземном море и послать дополнительные подкрепления в Тунис и Сомали ⁴¹.

Даже с учетом того, что французы в своей стратегии придавали большее значение наступательным действиям против Италии уже на первом этапе войны, озабоченность Парижа возникала не столько в результате итальянской акции, сколько из-за опасения совместного продвижения держав оси к средиземноморским владениям Франции. Сказалась и активность германской политико-пропагандистской машины. В те дни Геббельс совершил турне по Ближнему Востоку, посетив Каир, Родос и Стамбул, а Геринг несколько дней находился в Ливии ⁴².

8 апреля в отсутствие Чемберлена, проводившего свой пасхальный отдых на рыбной ловле в Шотландии, британский кабинет, поставив в один ряд действия Гитлера в Чехословакии и Муссолини в Албании, решил пойти на соглашение с Грецией и Турцией, аналогичное англо-польскому. Было дано указание срочно собрать весь средиземноморский флот в районе Мальты ⁴³.

Итальянская агрессия усиливала угрозу английским позициям в бассейне Средиземного моря. Но и теперь Италия не стала главным противником Лондона в балкано-средиземноморской политике, и указанные меры не означали, что против нее взят действительно жесткий курс. В тот же день 8 апреля Галифакс телеграфировал Чиано: британский кабинет принимает во внимание заверение Рима о том, что Италия намерена полностью уважать независимость и целостность Албании и статус-кво на Средиземном море» ⁴⁴.

На первый взгляд столь умиротворительная позиция кажется необъяснимой: ведь не мог же Галифакс всерьез относиться к своим словам, ибо всем было ясно, что независимость Албании растоптана, а статус-кво на Средиземном море нарушен грубейшим образом.

---

⁴⁰ DBFP, ser. 3, vol. 5, N 96.

⁴¹ *Ibid.*, vol. 5, N. 106; The Diplomatic Diary of Oliver Harvey. L., 1969, p. 277.

⁴² И. Н. Чемпалов. Предоставление англо-французских гарантий..., с. 110.

⁴³ PRO, Cab. 23/98. Notes of conference, April 8, 1939, p. 247, 252; The Diaries of A. Cadogan, p. 170. Курьезность ситуации состояла в том, что основная часть средиземноморского флота Англии находилась с визитом вежливости в итальянских портах.

⁴⁴ DBFP, ser. 3, vol. 5, N 90.

В конфиденциальной переписке британский министр упрекнул дуче: «Трудно понять, как можно совместить вступление итальянских войск в Албанию с сохранением ее независимости и целостности». Но реальная позиция Лондона обнаруживалась в заключительной части телеграммы: «Английское правительство считает, что оно имеет право на самые полные и откровенные объяснения не только по поводу итало-албанской ситуации, но также *о будущих намерениях Италии*» (выделено мною. — А. Ч.)⁴⁵.

Англичане прозрачно намекали на готовность согласиться с захватом Албании при условии, что дальнейшие замыслы итальянских фашистов затрагивают не средиземноморские или ближневосточные интересы Лондона, а Балкано-Дунайский район, где притязания Рима неизбежно сталкивались с германской экспансией. Галифакс жаждал услышать подтверждение версии о том, что акция Италии имеет своей целью преградить дорогу Германии в район Балкан, расположенный южнее Дуная. Однако итальянцы были достаточно осторожны⁴⁶.

Со своей стороны, римские правители строили наступательную тактику в англо-итальянских отношениях на чувствительной стороне британской политики — опасении за южнобалканские и восточносредиземноморские позиции Лондона. Уже 8 апреля поползли слухи о возможной оккупации итальянцами греческого острова Корфу. Когда Галифакс потребовал ответа у поверенного в делах Кроллы, тот немедленно сослался на якобы поступившие известия о намерении английского правительства занять этот остров и денонсировать соглашение 16 апреля 1938 г. Он заявил, что «любое предложение об ослаблении соглашения вызовет большое недовольство в Риме, а британская оккупация Корфу повлечет за собой самую опасную реакцию»⁴⁷.

Британский министр в ожидании взаимности взял примирительный тон и довольно любезно сообщил, что Лондон не собирается оккупировать Корфу и тем более ослаблять соглашение 16 апреля. Он даже обещал «умерить тон английской прессы, пока ход событий не станет более ясным». Тактика фашистов по принципу «держи вора!» принесла результаты. Галифакс вынес общее благоприятное впечатление от беседы: «Итальянское правительство заботится о том, чтобы избежать разрыва или серьезного ущерба в своих отношениях с нашей страной»⁴⁸.

9 апреля Лондон вновь подтвердил верность англо-итальянскому соглашению и одобрительно отнесся к словам Муссолини о том, что «албанская игра не стоит даже одной свечи в отношениях между двумя странами, которые являются соседями в столь многих частях мира». Но в тот же вечер Кролла вручил Галифаксу новое послание дуче, в котором он настаивал на публич-

⁴⁵ DBFP, ser. 3, vol. 5, p. 135.

⁴⁶ Н. Д. Смирнова. Балканская политика фашистской Италии, с. 99—100.

⁴⁷ DBFP, ser. 3, vol. 5, N 95.

⁴⁸ Ibid., p. 142.

ном оглашении той «сердечной» позиции британского кабинета, которую Муссолини «тепло приветствовал». Он требовал также, чтобы английская печать изменила свою точку зрения и «признала великую миссию цивилизации и справедливости, осуществляемую фашистской Италией в Албании»⁴⁹.

Подобная бесцеремонность возмутила даже выдержанного лорда, который был вынужден поставить фашистского дипломата на место. Однако, помня главную цель британской политики в отношении Италии, Галифакс взял себя в руки и в который раз заверил собеседника, что «английское правительство не имеет иного желания, кроме как получить наилучшие результаты от соглашения». Но он тут же намекнул на необходимость взаимности со стороны Рима: «Хотя, как считает британская публика, очень трудно совместить оккупацию средиземноморской страны со статьей соглашения 16 апреля относительно статус-кво в Средиземноморье, правительство Его Величества действительно намерено прилагать все усилия, чтобы посредством соглашения добиваться улучшения отношений двух стран и обеспечить их сотрудничество в деле сохранения мира»⁵⁰. Это означало, что если Германия развяжет войну против западных демократий, Италия должна остаться в стороне.

В свете такой позиции Англии становился понятным отказ Форин Оффис направить в Рим подготовленное 9 апреля после новых слухов о подготовке к захвату Корфу 10—12 апреля послание Чемберлена. В нем единственный раз за всю «албанскую эпопею» содержалось серьезное предупреждение: «Любой акт агрессии против греческой территории будет рассматриваться правительством Англии как серьезная угроза ее жизненным интересам»⁵¹.

Однако в те же дни англо-французские союзники приняли некоторые меры по укреплению своих позиций на Средиземном море. Британский кабинет 10 апреля подтвердил решение сосредоточить флот вблизи Мальты и перебросить в Египет 5 батальонов из Палестины. Кроме того, в Александрию направлялись два крейсера и дивизион эсминцев⁵².

Одновременно Комитет внешней политики английского правительства обсуждал положение в Восточном Средиземноморье и место Греции и Турции в большой стратегии Лондона⁵³. Основу дискуссии составила записка Кадогана о трех возможных вариантах действий. Первый предусматривал одностороннее заявление о том, что любая агрессия против этих стран будет считаться «не-

⁴⁹ Ibid., N. 110.

⁵⁰ Ibid., p. 156.

⁵¹ Ibid., p. 157—158.

⁵² PRO, Cab. 23/98, 19(39), p. 273—274.

⁵³ Подробный анализ всей дискуссии и в частности вопросов балканской политики и стратегии Англии см.: И. Н. Чемпалов. Предоставление англо-французских гарантий..., с. 114—116.

дружественным актом». Оно было менее решительным, чем гарантии Польше, данные 31 марта. Следующий допускал двусторонние пакты, аналогичные англо-польскому пакту 6 апреля. Третий предполагал достижение «соглашения со всеми заинтересованными странами, включая Египет, о поддержании статус-кво в Восточном Средиземноморье»⁵⁴.

Обсуждение проекта показало, что Комитет — а он был в сущности узким составом кабинета — и особенно премьер проявили нежелание вести разговор о далеко идущих предложениях, в частности о втором варианте. Чемберлен даже похвалил министра по делам Шотландии Моррисона, когда тот отверг все три варианта и выдвинул новый: огласить в парламенте заверения Муссолини об уважении статус-кво в Средиземноморье и дополнить их заявлением, что Лондон будет рассматривать их нарушение как недружественный акт со стороны Италии⁵⁵. Однако, кроме министра по делам доминионов Инскипа, никто не поддержал эту идею: даже среди мюнхенцев мало кто мог считать формальные заверения дuche достаточной гарантией безопасности британских позиций на Средиземном море.

Ход дискуссии свидетельствовал, что англичан больше беспокоила возможность германского или итало-германского продвижения через Балканы и Средиземное море в Северную Африку и на Ближний Восток. Поэтому в Лондоне рассчитывали принятием некоторых мер добиться отрыва Италии от оси и одновременно использовать Румынию, Грецию и Турцию, чтобы закрыть путь Германии на юго-восток⁵⁶.

Таким образом, основным противником западных держав в Средиземном море в конечном счете становилась Германия, а не Италия, в которой англо-французы не видели серьезного неприятеля. Штабные переговоры подтверждают, что Лондон и Париж уверенно рассчитывали на свое превосходство и успех в случае военного конфликта с Италией на Средиземном море»⁵⁷. Очевидно, эта уверенность стала одним из факторов, которые позволяли Западу надеяться на расчленение оси перед началом войны в Европе.

Комитет внешней политики одобрил предложение начальников штабов о различном подходе к Греции и Турции на случай большой войны в Восточном Средиземноморье. Хотя англичане, как мы видели, предполагали оказать противодействие и германскому продвижению в этот район, но они не питали особых надежд на успех и в конечном счете не собирались удерживать греческую территорию. Как заявил Четфилд, «морские операции не позволят использовать греческие острова и порты ввиду их незащищенности перед воздушными атаками противника... цель должна заклю-

⁵⁴ PRO, Cab. 27/625, FPC(36)41, p. 238—239.

⁵⁵ Ibid., p. 239.

⁵⁶ И. Н. Чемпалов. Предоставление англо-французских гарантий..., с. 114.

⁵⁷ PRO, Cab. 29/159, AFC. 1, p. 31; PRO, Cab. 29/161, AFC(Navy).

чаться не в спасении Греции от поражения, а в разгроме Италии»⁵⁸. Очевидно, уже тогда у британских лидеров сложилось — в рамках европейской большой стратегии — мнение о Греции как о стране, которая либо определяет глубину или узость восточно-средиземноморского театра военных действий (оперативно-стратегическая сторона проблемы), либо выступает в качестве «разменной монеты» в большой дипломатической игре на Балканах (политико-стратегическая сторона ее). Поэтому Лондон предпочитал нейтралитет Греции на случай войны и односторонние английские гарантии ей, чтобы иметь свободу действий вплоть до отказа выполнять их. Эти рекомендации были одобрены Комитетом внешней политики 10 апреля⁵⁹.

Турции отводилась важная роль в консолидации антигерманских настроений в Греции и Румынии, что устраняло бы необходимость прямого военного вмешательства Англии на Балканах, — Лондон вообще не собирався вести там крупную сухопутную войну⁶⁰. Но, что еще важнее, Турция рассматривалась как аванпост британских позиций на Ближнем Востоке для противодействия весьма возможному германскому продвижению в Сирию, Палестину, Ирак⁶¹. «Турция является ключом к положению в Восточном Средиземноморье», — с этим заявлением Четфилда Комитет внешней политики согласился и принял решение добиваться заключения с турками военно-политического союза⁶².

И проект Кадогана, и решения Комитета внешней политики 10 апреля исходили из возможности достижения если не формального, то фактического соглашения с Италией относительно Восточного Средиземноморья. «Разменной монетой» в этом случае могли стать либо Греция, либо Югославия, которая вообще не включалась в британскую систему гарантий. Конечно, в Лондоне не исключали возможности вооруженной борьбы с Италией. Но поскольку та не могла реально рассчитывать на успех в войне против англо-французов без поддержки партнера по оси, любая балканская или средиземноморская война, начавшись как локальная, неизбежно и быстро втянула бы Германию⁶³. Таким образом, в обоих вариантах исхода балкано-средиземноморской политики западных держав — соглашение с Италией или борьба против нее — главной стратегической задачей Лондона и Парижа оставалась борьба против возраставшей угрозы проникновения Германии в Восточное Средиземноморье.

На заседании Комитета внешней политики 11 апреля вновь

---

⁵⁸ PRO, Cab. 27/625, FPC(36)41, p. 249.

⁵⁹ Ibid., p. 252.

⁶⁰ PRO, Cab. 29/159, AFC. 1.

⁶¹ В. А. Кузьмин. Политика великих держав на Ближнем Востоке..., с. 77.

⁶² PRO, Cab. 27/625, FPC(36)41, p. 257.

⁶³ Галифакс верно подметил это в письме послу Х. Хьюджессену 12 апреля: «Где бы ни был новый пункт удара (Греция, Румыния, Польша, западные страны), конечной целью будет совместное господство Германии и Италии над Европой». — DBFP, ser. 3, vol. 5, N 138.

подтвердилось то большое значение, которое Англия придавала Турции с точки зрения использования Дарданелл и Босфора. По мнению британских стратегов, империя понесет тяжелую потерю, если контроль над Проливами перейдет в руки «недружественной державы»⁶⁴. Здесь явно намекалось на возможность занятия турками благожелательной для Германии позиции. Накануне в Лондоне получили несколько телеграмм от посла в Турции Х. Хьюджессена, в которых подчеркивалась неуверенность Анкары в твердости британской позиции и ее скептицизм по поводу намерений Англии защищать своих союзников в Восточном Средиземноморье. Турецкий министр иностранных дел Ш. Сараджоглу не скрывал, что считает возможным со стороны англо-французов признание новых актов агрессии⁶⁵.

Комитет внешней политики, принимая во внимание это обстоятельство, усилил проект заявления Лондона о нерушимости статус-кво в Средиземном море и поддержке Греции. Вместо «недружественного акта» было внесено определенное заверение, что Англия «предоставит грекам всю возможную помощь в случае возникновения угрозы независимости Греции и решимости ее правительства оказать вооруженное сопротивление агрессии»⁶⁶. Наконец, чтобы окончательно убедить турок в решимости англичан твердо бороться за Восточное Средиземноморье и Проливы, Форин Оффис сообщил в Анкару, что Лондон «готов в принципе прийти на помощь Турции в случае любой, прямой или косвенной, угрозы ее независимости в районе Средиземного моря со стороны Италии, но при условии, что турецкое правительство действительно будет сопротивляться агрессии и придет на помощь Англии в случае ее вовлечения в войну с Италией»⁶⁷.

13 апреля 1939 г. в Лондоне и Париже было объявлено о предоставлении односторонних гарантий Греции и Румынии. Вплоть до последнего момента англичане отказывались включить Румынию в подготовленный документ, стремясь направить действие польско-румынского союза против Германии на случай ее продвижения на юго-восток и одновременно оставляя для гитлеровцев свободным коридор к границам СССР. Однако нежелание действий советской дипломатии, которые могли спутать карты Лондону и привести к началу советско-румынского диалога о совместных мерах против фашистской агрессии, заставило британское правительство согласиться с французами об одновременном объявлении гарантий Греции и Румынии⁶⁸.

Односторонние гарантии этим Балканским странам, по мнению англичан, имели еще одно преимущество: они указывали на готовность в западных столицах продолжить попытки сближения

⁶⁴ PRO, Cab. 27/625, FPC(36)41, p. 267.

⁶⁵ DBEP, ser. 3, vol. 5, N 119.

⁶⁶ PRO, Cab. 27/625, FPC(36)41, p. 265.

⁶⁷ DBFP, ser 3, vol. 5, N 138.

⁶⁸ И. Н. Чемпалов. Предоставление англо-французских гарантий..., с. 119.

с Римом. Французы одобрили курс на сохранение в силе соглашения 16 апреля, и Боннэ рекомендовал ускорить прибытие нового британского посла П. Лорейна в Италию и не колебаться в вопросе признания Албании составной частью итальянского королевства. Министр заверил, что его правительство «будет готово сделать разумные уступки Италии относительно Суэцкого канала, Джибути и т. д.»⁶⁹. Одновременно из Рима пришла телеграмма с изложением точки зрения западных посольств. И Франсуа Понсэ, и Перт полагали, что «поскольку Даладье и его группа не согласны с Боннэ о необходимости французам сделать первый шаг к началу переговоров с Италией, британский кабинет должен использовать свое влияние на Даладье и даже пойти на риск получить резкий ответ»⁷⁰.

Галифакс, не дожидаясь прибытия Лорейна в Рим, просил Перта срочно встретиться с дуче и сообщить ему, что Лондон «намерен сопротивляться агрессии только в определенных, специально оговоренных случаях». Тем самым еще раз давалось понять, что Англия проводит четкое разграничение между агрессивными действиями Германии на юго-востоке и «естественными чаяниями» Италии на Балканах, если последние будут осуществляться на согласованной с Западом основе. Для этого британское правительство готово содействовать преодолению итало-французских разногласий и просит дуче сообщить свои соображения⁷¹. Вместе с тем Лондон был вынужден отметить, что в Париже в данной ситуации не могут выступить с инициативой разрешения франко-итальянских противоречий. Но если бы итальянцы сделали первый шаг достаточно разумно и конфиденциально, французское правительство серьезно рассмотрело бы его⁷².

Это было возобновлением неофициального посредничества между Римом и Парижем. Одновременно с депешей Перту Галифакс направил 20 апреля телеграмму Фиппсу, предложив провести тот демарш перед Даладье, который отложили из-за албанской акции. Галифакс полагал, что, если итальянцы и французы вступят в контакт, появится реальная возможность «усилить действия Муссолини в направлении удержания Гитлера от европейской войны при условии, что дуче действительно готов оказать сдерживающее влияние в Берлине»⁷³.

Вероятно, британский министр всерьез допускал такую готовность дуче, к тому же он получил в те дни два обнадеживающих сообщения. Французские дипломаты доносили, что и Ватикан, и Квиринал полагают возможным удержать Муссолини от бесповоротного связывания своей судьбы с Германией⁷⁴. Другое известие

⁶⁹ DBFP, ser. 3, vol. 5, N 194.

⁷⁰ Ibid., N 228.

⁷¹ Ibid., p. 255.

⁷² Ibid., p. 256.

⁷³ Ibid., N 238.

⁷⁴ Ibid., p. 194.

поступило через собственно британские каналы. По мнению лиц, тесно связанных с высшими политическими кругами Италии, никто в этой стране не хочет войны, а дуче весьма озабочен общим положением Италии и «желает, чтобы Франция сделала в некотором роде жест...»⁷⁵.

Галифакс просил своего посла подчеркнуть в Париже эти факты, чтобы подтолкнуть Даладье на установление прямых контактов с Римом, и напомнить французам их же слова о том, что «Франция была бы согласна сделать определенные уступки в случае готовности Италии пойти на разумные переговоры»⁷⁶.

Таким образом, англичане прилагали энергичные усилия в обеих столицах, чтобы любая из них или обе сразу сделали первый шаг навстречу друг другу. Причем в своем демарше в одной столице они умалчивали о параллельной акции в другой, чтобы избежать элемента успокоенности и в Париже, и в Риме⁷⁷. Однако попытка Перта поднять вопрос об итальянской инициативе во время прощальной аудиенции у дуче 21 апреля не увенчалась успехом. Муссолини напомнил, что во время контактов через Бодуэна в феврале — марте 1939 г. Рим принял французское предложение о переговорах относительно Джибути и Суэцкого канала с оговоркой, что они должны состояться через обычные дипломатические каналы. Затем состоялись встречи Бодуэна с итальянскими агентами в Париже, но дальше этого французы не пошли. И теперь дуче настроен ждать следующего шага от Франции⁷⁸.

Ответ означал, что в Риме по-прежнему вели игру в обоих направлениях, стремясь добиться выгод и от сохранения оси, и от возможного соглашения с западными державами. Эту позицию итальянской правящей верхушки подтвердила специальная агентура шефа СС Гейдриха, имевшая тесные связи с ответственными политическими кругами в Риме. По их мнению, «в достижении своих целей в Средиземном море Италия не получила той поддержки от рейха, на которую она рассчитывала, если не считать морально-политической поддержки в абиссинском вопросе». Немцам был брошен упрек в недостаточной солидарности с итальянскими притязаниями на Джибути и Суэц⁷⁹.

Правительство в Риме, отмечалось далее в донесении немецких агентов, обсуждает две альтернативы во внешней политике Италии. Первая состоит в постепенном ослаблении связей с Германией, так как она стала «слишком могущественной державой». Кроме того, в Риме полагали, что «рейх больше не ценит в достаточной мере поддержку и помощь, исходящие от Италии». В пользу

⁷⁵ Ibid., N 214, 238.

⁷⁶ Ibid., p. 258.

⁷⁷ См. концовки упомянутых телеграмм Фиппсу и Перту 20 апреля: DBFP, ser. 3, vol. 5, N 235, 238.

⁷⁸ DBFP, ser. 3, vol. 5, N 242. Важно подчеркнуть, что Галифакс солидаризировался с Муссолини, когда намекнул французскому послу Корбену, что Париж допустил ошибку, прекратив миссию Бодуэна. — Ibid., N 296.

⁷⁹ DGFP, ser. D, vol. 6, p. 241.

данной альтернативы было также и то, что ее принятие весьма содействовало бы получению «решающих позиций в управлении компании Суэцкого канала» и порта Джибути в обмен на отказ от аннексии Туниса, «если в результате можно будет избежать начала войны»⁸⁰.

Вторая альтернатива заключалась в попытке Муссолини вновь сыграть роль посредника между двумя группировками европейских держав. И в этом случае «итальянцы могли бы обоснованно надеяться не только избежать войны, в высшей степени неприятной для них, но и *получить уступки от обоих лагерей*» (подчеркнуто мною. — А. Ч.). Кроме того, этот путь «реабилитировал бы дуче в глазах итальянцев после разочарования в его недавней политике верности оси»⁸¹.

Указанные два курса итальянской внешней политики противостояли не только друг другу, но и третьему пути — дальнейшему подчинению Италии германскому доминированию в оси. До середины апреля 1939 г., точнее до объявления гарантий Греции и Румынии, не только широкие политические круги, но и верхушка фашистского режима в той или иной форме обдумывали эти альтернативы. Однако видя, что западные страны под давлением обстановки пока не решаются на уступки и даже на переговоры о них, в Риме стали склоняться к выбору среднего пути, в котором дальнейшее усиление роли Германии в фашистском блоке сопровождалось бы определенными гарантиями Берлина уважать сферы влияния Италии на Балканах, в Средиземном море и Африке.

Между тем западная дипломатия пыталась возобновить франко-итальянские контакты, используя на сей раз в качестве давления заинтересованность Франции в объявлении Лондоном конскрипции — обязательного набора для службы в британских вооруженных силах. «Решение английского правительства (о введении конскрипции. — А. Ч.) дает нам право надеяться, что Даладье всерьез будет считаться с нашим предложением относительно франко-итальянских контактов», — писал Филпс в Лондон⁸². Он был настолько уверен в успехе обращения к французскому премьеру, что советовал объявить о введении этой меры на несколько дней раньше планируемого срока — 27 апреля. «Если бы заявление Чемберлена могло состояться ранее 25 апреля, все еще оставалось бы время для франко-итальянских контактов, чтобы достичь полезных результатов перед выступлением Гитлера»⁸³. Посол явно указывал на возможность использовать переговоры Франции и Италии как средство давления на Германию, чтобы заставить ее двигаться в восточном направлении.

Однако гитлеровцы проявляли все большую заинтересован-

---

⁸⁰ Ibid., p. 242.

⁸¹ Ibidem.

⁸² DBFP, ser. 3, vol. 5, N 256.

⁸³ Ibid., N 259.

ность в средиземноморских делах. 14 апреля в Берлине было объявлено о предстоящем вскоре месячном «учебном плавании» крупной германской эскадры в водах Средиземного моря с посещением гаваней Португалии, Испании, Испанского Марокко и Танжера⁸⁴. Обращало на себя внимание новое посещение Италии Герингом. Западные наблюдателей поражало то, что из восьми дней пребывания пять он провел в Ливии в сопровождении помощника по министерству ВВС Германии Кернера и начальника штаба люфтваффе генерала Боденшатца. 15 апреля наци № 2 беседовал с дуче⁸⁵.

Геринг, проявлявший столь большое внимание к Ливии и Средиземноморью вообще, едва коснулся проблем этого района и даже не подтвердил особой роли Италии в них. Единственное серьезное замечание в этом отношении прозвучало в словах о легкости победы над Англией в случае ее вступления в войну: «Как только Италия завоеует Тунис, с британскими позициями в Средиземном море будет покончено»⁸⁶. Таким образом, гитлеровцы стимулировали те итальянские претензии к западным державам, которые делали невозможным для них «разумное соглашение» с Муссолини.

В обстановке новых германо-итальянских контактов, о которых стало известно в западных столицах, сообщения о присутствии немецких войск на Апеннинах и их переброске в африканские владения Италии⁸⁷ воспринимались как весьма правдоподобные и вызывали немалое беспокойство. Правда, часть англо-французских кругов пыталась представить контакты Берлина и Рима под углом зрения антисоветских планов держав оси. Парижская «Тан» в сообщении из итальянской столицы заявляла: «Позиция СССР в связи с его возможным вступлением в коалицию держав — противников оси занимает большое место в итало-германских переговорах. Рим и Берлин предвидят угрозу в факте проникновения советского Черноморского флота в Средиземное море. Предполагается, что в ходе этих переговоров рассматриваются меры противодействия такой возможности»⁸⁸.

Однако большинство в правящих сферах западных столиц воспринимало дальнейшее сближение партнеров по оси как угрозу провала своих замыслов договориться с Италией. В Париже все более убеждались, что уступки не столько умиротворят римских правителей, сколько разожгут их аппетит. В конце апреля 1939 г.

⁸⁴ «Le Temps», 15, 16.IV.1939. По мнению газеты, это событие становилось важным признаком европейского политического кризиса.

⁸⁵ Подробнее см.: И. Н. Чемпалов. Итало-германские переговоры о военном сотрудничестве..., с. 11.

⁸⁶ DGFP, ser. D, vol. 6, N 205, 211.

⁸⁷ В. А. Кузьмин. Политика великих держав на Ближнем Востоке..., с. 71.

⁸⁸ «Le Temps», 16.IV.1939. Курьезность сообщения заключалась в том, что заметка начиналась следующими словами: «В связи с отсутствием какой-либо информации об итало-германских переговорах...».

Даладье передал следующее мнение своего правительства: Италия столь прочно связала себя с осью, что напрасно надеяться на ее выход из нее. Муссолини не собирается удовлетвориться умеренным компромиссом, а использует его как трамплин для новых притязаний⁸⁹. Французский премьер был настолько раздражен упорными попытками англичан толкнуть Париж на уступки итальянским фашистам, что намекнул на серьезное подозрение относительно желаний Лондона откупиться от Рима исключительно за счет французских интересов в Средиземном море. И то, и другое было недалеко от истины.

Обострение империалистических противоречий в бассейне Средиземного моря в марте — апреле 1939 г. привело к тому, что Италия, не видя близкой перспективы достижения соглашения с западными демократиями, решила пойти на заключение германо-итальянского военного союза, используя его как фактор давления на англо-французов. Муссолини, вероятно, полагал, что Франция будет склонна пойти на уступки после заключения этого союза⁹⁰.

Со своей стороны Англия и Франция, опасаясь растущей угрозы своим позициям, пошли на переговоры с СССР, но уже первая реакция на советские предложения от 17 апреля 1939 г. показала, что Запад имел целью не создание реального фронта борьбы с фашистской агрессией, а получение средства давления на Германию, чтобы принудить ее к «разумному соглашению»⁹¹. Столкновение Германии и СССР оставалось главным средством сохранения англо-французских империалистических интересов на Балканах и в Средиземноморском бассейне. Однако на случай провала этого курса в Лондоне и Париже добивались создания англо-франко-турецкого союза.

В отличие от малообязывающих гарантий Греции и Румынии англичане сразу же повели с Турцией разговор не только о политическом соглашении, но и военном дополнении к нему. 19 апреля Комитет внешней политики обсуждал предложения начальников штабов о военном сотрудничестве двух стран. В случае войны в этом районе турки должны закрыть Проливы, изолировать и угрожать островам Додеканес, предоставить свои порты в распоряжение англичан, попытаться удержать Болгарию вне войны. Со своей стороны Лондон обязуется поддерживать морские коммуникации в бассейне Восточного Средиземноморья, включая контроль над Суэцким каналом; сковывать германо-итальянские силы на Западном фронте и в других зонах Средиземноморья, чтобы предотвратить прямую угрозу Турции на суше или на море;

---

⁸⁹ DBFP, ser. 3, vol. 5, N 296.

⁹⁰ И. Н. Чемпалов. Политика великих держав на Балканах..., с. 77.

⁹¹ О ходе переговоров см.: История второй мировой войны, т. 2, с. 130—136; В. Я. Сиполс. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974, гл. 3.

оказать непосредственную помощь в защите турецкого побережья⁹².

Из штабных документов и дискуссии в Комитете внешней политики видно, что Турция интересовала англичан либо как рубеж своей обороны в Средиземном море и на Ближнем Востоке, либо как плацдарм для продвижения на Балканы в наступательной фазе войны, в которой противниками будут оба партнера по оси. Турецкие позиции нужны были Лондону не столько для борьбы с Италией, сколько для схватки с Германией. Но англичане не хотели афишировать это обстоятельство, и потому при обсуждении вопросов средиземноморской стратегии в широких политических и общественных кругах упор делался на совместную англо-турецкую борьбу с итальянской агрессией в Восточном Средиземноморье⁹³.

Британская политика в Турции, особенно по вопросу о Проливах, касалась не только сдерживания экспансии держав оси. В документах Комитета начальников штабов и в публичных выступлениях выражалась уверенность, что Турция «откроет Дарданеллы демократическим странам» и что это обеспечит контроль западных держав над Черным морем⁹⁴. Однако для защиты Средиземноморья и Ближнего Востока в этом не было особой необходимости. Что касается Румынии, то союзники не собирались идти дальше разговоров об оказании ей помощи. Следовательно, речь шла о том, чтобы англо-французский флот в Черном море стал фактором давления на позицию СССР.

Более того, сама идея англо-турецкого союза противостояла советскому предложению о создании союза стран Юго-Восточной Европы с участием Турции и СССР как составной части общей системы союзов антифашистских стран для отпора агрессии в Европе, основа которой была выдвинута Советским Союзом 17 апреля 1939 г.⁹⁵ Британская дипломатия добилась того, что в конце апреля 1939 г. Анкара ставила достижение соглашения с Советским Союзом в зависимость от окончательной англо-турецкой договоренности⁹⁶.

---

⁹² PRO, Cab., 27/625, FPC(36)43, p. 290.

⁹³ «Great Britain and the East», 20.IV.1939, p. 438. Со своей стороны турки весьма осторожно относились к втягиванию их в антигерманские планы, хорошо представляя себе все последствия политики умиротворения и не без оснований полагая, что Лондон может договориться с Берлином за счет малых стран Юго-Восточной Европы. Секретные англо-германские переговоры летом 1939 г. подтвердили эти опасения. Не случайно Анкару с самого начала волновал вопрос, предоставит ли Англия помощь в случае германской агрессии. — См.: И. Н. Чемпалов. Предоставление англо-французских гарантий..., с. 121.

⁹⁴ Ibidem.

⁹⁵ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Сентябрь 1938 — август 1939. Документы и материалы. М., 1971, с. 374.

⁹⁶ Об отношении Англии к советско-турецким переговорам см.: И. Н. Чемпалов. Предоставление англо-французских гарантий..., с. 133—135; В. Я. Сиполс. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность, с. 313—314.

К этому времени проект англо-турецкой декларации о взаимной помощи был согласован, причем английская сторона настаивала на ее скорейшем оглашении, рассчитывая повлиять на германо-итальянские отношения и, возможно, задержать заключение военного союза держав оси. Турецкое правительство накануне миланской встречи Риббентропа и Чиано с ведома Лондона сообщило в Берлин о готовности декларации. Для большего воздействия турки наметнули на возможность заключения советско-турецкого соглашения⁹⁷.

Германо-итальянские переговоры в Милане 7—8 мая повлияли на одну важную деталь англо-турецкой декларации. Вначале Лондон предлагал включить в нее упоминание о Балканах как объекте политики двух стран, затем согласился с турками, которые в рамках своей сложной политико-дипломатической игры между двумя группировками держав предложили убрать всякое упоминание о Балканах. Однако объявление о готовности Берлина и Рима заключить военный союз заставило британскую дипломатию вновь поставить вопрос о включении данного пункта в декларацию, с чем турки были вынуждены примириться⁹⁸.

10 мая Комитет внешней политики Англии обсуждал окончательный проект декларации. Накануне стало известно, что Анкара настаивает на спешном оглашении документа в полдень 10 мая. Англичане все же отложили эту процедуру на два дня, сославшись на требования парламентского регламента. В действительности им пришлось улаживать расхождения с Парижем, который предлагал трехстороннюю декларацию, и уверять французов, что Англия не против, однако Турция «недовольна французским правительством из-за Хатая (Александретты)»⁹⁹. Но из британских документов видно, что Лондон хотел двустороннюю декларацию, так как она «в меньшей степени создавала впечатление политики окружения», чем трехсторонняя¹⁰⁰.

Прекращение проволок с оглашением декларации адресовалось Берлину и Риму как свидетельство решимости Англии противодействовать экспансии оси в направлении Эгейского моря. Включение пункта о Балканах было еще одним предупреждением фашистским державам, особенно Германии, о возможности активных действий англо-французов в этом районе и мобилизации сил Балканских стран. Но одновременно сама формула пункта («обеспечить создание системы безопасности на Балканах»¹⁰¹) наводила на мысль, что эта «система безопасности» могла выступить в виде буферной зоны между позициями англо-французских империалистов в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, с одной стороны, и зоной прямого господства оси в Европе, с другой.

⁹⁷ DGFP, ser. D, vol. 6, N 336.

⁹⁸ DBFP, ser. 3, vol. 5, N 423.

⁹⁹ PRO, Cab. 27/624, FPC(36)46, p. 20.

¹⁰⁰ DBFP, ser. 3, vol. 5, N 469.

¹⁰¹ *Ibid.*, N. 451; Parliamentary Debates. House of Commons, vol. 347, col. 953.

Предложение о создании «нейтрального блока» Балканских стран, с которым Анкара обратилась к болгарам и гитлеровцам в начале мая 1939 г., в сущности явилось конкретизацией 6-й статьи англо-турецкой декларации об образовании буферной зоны на Балканах. Турецкая инициатива была одобрена в Лондоне, а, возможно, и подсказана британской дипломатией¹⁰². Буферная зона — максимум того, чего собирались добиваться на Балканах британские правящие круги в том случае, если гитлеровцы выберут в качестве первоочередного восточное направление своей агрессии.

Двусторонняя декларация Лондона и Анкары и отсутствие франко-турецкого заявления показывали, что в политике создания союза западных держав с Турцией на первый план выдвигалось достижение договоренности со странами оси, прежде всего с Италией¹⁰³. В втором плане стояло создание преграды фашистской экспансии в Восточном Средиземноморье. Недавно назначенный немецкий посол в Турции Фр. Папен вынес убеждение из бесед с турецкими лидерами в начале мая 1939 г., что турки «смотрят на Балканы как на буферную зону, которую необходимо защищать». Он пришел к выводу, что Анкара, а за ее спиной и Лондон рассчитывают договориться с немцами относительно Балкан, но опасаются, что итальянская угроза, прежде всего из Албании и с Додеканес, может сорвать такую перспективу¹⁰⁴.

Отсюда возникло предложение Папена о «полной переориентации Италии относительно Балканской Антанты». В донесении 5 мая он советовал обсудить на встрече в Милане идею «признания державами оси системы безопасности на Балканах, предполагающей для ее членов, включая Турцию, безусловный нейтралитет»¹⁰⁵. Проект германского дипломата был по сути своеобразной параллелью указанным британским замыслам относительно Балкан, хотя речь шла не об отказе включить Балканские страны в сферу гитлеровского военно-политического господства, а лишь о выигрыше времени, пока Германия будет занята либо на Западе, либо на Востоке.

Следует обратить внимание на заключительный пункт англо-турецкой декларации, где говорилось: «Вышеуказанное соглашение не препятствует обоим правительствам достичь договоренно-

---

¹⁰² Подробнее об идее буферной зоны в балканской политике великих держав весной 1939 г. см.: И. Н. Чемпалов. Предоставление англо-французских гарантий..., с. 140—141; Ю. С. Кирьяков. Планы «нейтрального блока» на Балканах..., с. 71.

¹⁰³ В начале мая 1939 г. французские мюнхенцы возобновили контакты в Риме и рассчитывали на их продолжение с помощью англичан. Тогда же Париж дал указание своему представителю не спешить с заключением франко-турецкого соглашения в надежде договориться с итальянскими фашистами.— DBFP, ser. 3, vol. 5, N 298, 370, 376; R. Massigli. La Turquie devant la guerre. P., 1964, p. 239.

¹⁰⁴ DGFP, ser. D, vol. 6, N 286, 288, 315.

¹⁰⁵ Ibid., N 333.

сти с другими странами в общих интересах укрепления мира»¹⁰⁶. Совершенно очевидно, что не было необходимости оговаривать право на заключение, например, англо-советского или турецко-советского договора. Речь шла, таким образом, о возможности соглашения с державами оси.

22 мая 1939 г. Германия и Италия оформили свой военно-политический союз. «Стальной пакт» предполагал постоянные консультации, политическую и дипломатическую поддержку друг друга, углубление военного и экономического сотрудничества и особенно оказание помощи вооруженными силами, если один из партнеров окажется в войне с одной или несколькими державами¹⁰⁷. Заключение «стального пакта» неизбежно вело к дальнейшему обострению противоречий двух империалистических группировок, оно стало шагом на пути к развязыванию второй мировой войны.

Однако германо-итальянский союз не привел к преодолению существенных разногласий партнеров в вопросах балканской и средиземноморской политики. В июне 1939 г. состоялось несколько встреч представителей двух стран для обсуждения еще нерешенных вопросов дальнейшего разграничения сфер влияния, а также стратегии и тактики союзников на случай войны в Европе. Наиболее важными из них были переговоры статс-секретаря германского министерства авиации генерала Мильха с итальянским коллегой генералом Валле о распределении оперативных зон над Францией и взаимном размещении авиасоединений с началом военных действий, поездка в Берлин в начале июня 1939 г. заместителя военного министра Италии генерала Каваллеро и его попытка выяснить реакцию немцев на меморандум 30 мая 1939 г., а также переговоры руководителей военно-морских сил Редера и Каваньяри 20—21 июня 1939 г.¹⁰⁸

Результаты этих встреч оказались неоднозначными. Фашистские союзники согласовали оперативно-стратегические вопросы действий воздушных и морских сил. Но проблемы большой стратегии и политики в значительной степени остались открытыми. В «меморандуме Каваллеро» итальянцы дали ясно понять, что они не намерены ранее 1942 г. участвовать в большой европейской войне, но при благоприятных условиях, не дожидаясь этого срока, попытаются реализовать свои захватнические планы на Балканах и в Дунайском бассейне. Гитлеровцы лишь формально согласились с положениями меморандума, фактически они выступили против «преждевременной войны» на Балканах¹⁰⁹. Хотя еще накануне подписания «стального пакта» Гитлер заявил, что в

¹⁰⁶ DBFP, ser. 3, vol. 5, N 451.

¹⁰⁷ И. Н. Чемпалов. Политика великих держав на Балканах..., с. 81; В. И. Михайленко. Германо-итальянские противоречия в Юго-Восточной Европе в 1939—1940 гг. Канд. дис. Свердловск, 1974, с. 54—55.

¹⁰⁸ Обстоятельный анализ этих переговоров см.: И. Н. Чемпалов. Политика великих держав на Балканах..., с. 82—86.

¹⁰⁹ Там же, с. 86.

определении большой стратегии оси на Средиземном море решающее слово будет за Италией, немцы уклонились от юридического оформления такого обещания.

Несмотря на сохранение разногласий по ряду важных вопросов политики и стратегии, участники «стального пакта» к концу первой фазы предвоенного политического кризиса, т. е. в конце июня 1939 г., проявили склонность к демонстрации возросшей военно-политической солидарности между собой. Это обстоятельство учитывалось в средиземноморской политике западных стран.

1 июня 1939 г. стало известно о важных назначениях в высших командных инстанциях Англии. Генеральным инспектором всех заморских сил Британской империи стал генерал Э. Айронсайд, бывший до того генерал-губернатором Гибралтара. Командующим английскими войсками в Египте был назначен генерал-майор Г. Уилсон. Чтобы устранить сомнения относительно связи этих назначений с обострением положения в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, уже известный еженедельник «Великобритания и Восток» писал в редакционной статье под названием «Стратегический центр»: «Теперь даже неспециалисту ясно, что Балканы и Ближний Восток становятся стратегическим центром британских усилий в будущей войне. В марте с. г. военный министр говорил о ближневосточном резерве, ядро которого уже составляют дивизии в Палестине...»¹¹⁰.

Вероятно, покажется довольно смелым, что здесь так откровенно говорилось о британских войсках, которые окажутся на Балканах. Действительно, орган имперских кругов далее указывал, что «предвидится предельная гибкость в переброске войск по всему району Балканы — Ближний Восток... Войска могут быть посланы из Азии или Африки в Юго-Восточную Европу и наоборот. Если война разразится, очень вероятно, что индийские войска могут понадобиться в Восточном Средиземноморье»¹¹¹. Очевидно, столь откровенное заявление понадобилось британским стратегам, чтобы еще раз предупредить фашистские державы, особенно Италию, о реальной возможности сосредоточить против них в этом районе значительные силы¹¹².

Однако подобная демонстрация «твердости» западных держав перед лицом возраставшей угрозы фашистской экспансии в значительной степени прикрывала усилия по восстановлению контактов со странами оси. Особенно большие надежды возлагались в этом отношении на Италию. Попытки исходили в основном от англий-

---

¹¹⁰ "Great Britain and the East", 8. VI. 1939, p. 628.

¹¹¹ Ibidem.

¹¹² Кроме индийских войск, Лондон рассчитывал на помощь тихоокеанских доминионов. Весной 1939 г. в принципе был решен вопрос о посылке на Ближний Восток первых дивизий экспедиционных сил Австралии и Новой Зеландии. — А. Г. Чевтаев. Вступление Австралии и Новой Зеландии во вторую мировую войну и формирование АНЗАК. — В сб.: Международные отношения в новейшее время, ч. 2. Свердловск, 1966, с. 127.

ского правительства, которое с конца мая 1939 г. оказывало возрастающее давление на Париж, убеждая его пренебречь мнением общественности и пойти навстречу итальянским требованиям.

Новая фаза в британских попытках посредничества между Италией и Францией началась беседой Галифакса с Даладье и Боннэ, состоявшейся 20 мая в Париже. Британский министр указал на преимущества, которые имели западные союзники: «единство с Польшей и Турцией, возможно, с Россией и США», рост военного производства, введение конскрипции в Англии¹¹³. «Мы достаточно сильны, — подчеркнул Галифакс, — чтобы проявить «великодушные силы». Париж должен заявить Италии, что французы готовы обсудить ее определенные требования и пойти на переговоры, предполагая при этом, что итальянцы также пойдут навстречу. Министр вновь отметил, что в Риме не обрадованы союзом с Германией и хотели бы сохранить свободу маневра¹¹⁴.

В понятие «встречный шаг итальянцев» англичане вкладывали не какие-то уступки французам — в тогдашней ситуации надеяться на это было бы более чем наивно, — а изменение ориентации Муссолини и отход его от концепции союза с Германией в предстоявшей схватке за передел мира.

Для большей убедительности Галифакс заявил, что «Англия сделала все, чтобы пойти навстречу желаниям Франции в вопросе конскрипции и гарантии Румынии». Но он явно хватил через край, когда заметил, что «улучшение франко-итальянских отношений жизненно важно для всего мира»¹¹⁵.

Даладье, повторив по просьбе партнера итальянские претензии (два места в директорате компании Суэцкого канала, свободный порт в Джибути, контроль над эфиопской частью железной дороги Джибути — Аддис-Абеба, сохранение в Тунисе для итальянцев статута 1896 г.), подчеркнул, что Рим намерен получить все это, ничего не дав взамен. К тому же Италия твердо заняла место во враждебном лагере. «Для Франции невозможно сделать такие уступки в данных обстоятельствах, особенно при наличии у Муссолини под ружьем 1,8 млн. солдат. Если бы Италия согласилась на существенную демобилизацию и была бы разумна относительно Туниса, можно было бы пойти на определенные уступки». Премьер обратил внимание на то, что в Ливию направлены немецкие самолеты и снаряжение¹¹⁶.

Очевидно, что французские правящие круги иначе смотрели на проблему итальянской взаимности. Они ждали от Рима таких шагов, которые прежде всего снимали бы угрозу притязаний на

---

¹¹³ DBFP, ser. 3, vol. 5, p. 613.

¹¹⁴ Ibidem.

¹¹⁵ Ibidem.

¹¹⁶ Ibid., p. 611—612. Последнее не отвечало действительности, но в условиях повышенной военно-политической и пропагандистской активности держав оси в Северной Африке, вполне возможно, что французы были искренне убеждены в этом.

Тунис, а также на гегемонию в Средиземном море и уж потом могли бы стать основой отхода Италии от гитлеровцев. В какой мере британский подход к итальянской взаимности отражал собственные интересы английского монополистического капитала, в той же степени взгляд Парижа свидетельствовал о стремлении защищать позиции французского империализма.

Таким образом, противоречия между западными союзниками обнажились достаточно четко. В конце беседы Даладье дал понять, что хотя английское правительство и желало бы добиться от Франции уступок, он на это дело не пойдет. «На нашем месте,— добавил французский премьер,— вы думали бы так же»¹¹⁷.

Британская дипломатия не прекращала, однако, попыток добиться франко-итальянского диалога. Наряду с упреками в адрес Парижа, что там совершают ошибку, отказываясь идти навстречу итальянцам, использовались другие каналы. Новый посол в Италии П. Лорейн писал Кадогану на другой день после подписания «стального пакта»: «В Риме создается впечатление, что Лондон не побуждает Францию нарушить молчание. Нам нечего ждать от Парижа. Мой долг — убедить Вас и премьера в необходимости сделать публичное заявление предпочтительно в парламенте перед роспуском его на каникулы. Оно покажет Муссолини и мировому общественному мнению, что английское правительство со своей стороны всегда готово к переговорам на какой-либо широкой и взаимоприемлемой основе»¹¹⁸.

Но в обстановке, возникшей в результате создания германо-итальянского союза, Форин Оффис благоразумно отказался обсуждать предложенный шаг. Очередная попытка самого Лорейна найти подход к Муссолини в беседе 27 мая закончилась неудачей: фашистский диктатор занял более резкую позицию.

Тогда Галифакс запросил Париж согласиться на следующий шаг. Англичане могли бы сообщить в Рим, что, если последний даст согласие на существенную демобилизацию, особенно в Ливии, французское правительство будет готово рассмотреть определенные уступки Италии¹¹⁹. Это была попытка поймать самого Даладье на слове. Париж, однако, оставался на прежней позиции, и вопрос обсуждался на заседании британского кабинета 7 июня. Чемберлен даже высказал мысль о личном обращении к Даладье, чтобы побудить того согласиться на переговоры. Мюнхенцы по-прежнему «питали надежду, что Италия благожелательно ответит на любую инициативу Франции»¹²⁰.

---

¹¹⁷ Ibid., p. 614.

¹¹⁸ Ibid., p. 651. Лорейн, будучи влиятельной фигурой в политической верхушке Англии, решился на шаг, необычный для лиц его ранга. Он предложил формулу заявления Чемберлена в палате общин в духе последовательного умиротворения Италии. — Ibidem.

¹¹⁹ Ibid., p. 703.

¹²⁰ PRO, Cab. 23/99, 31 (39), p. 193.

Чтобы не сжигать мосты, которые итальянцы «в один прекрасный момент захотят пересечь», Лондон стремился не давать лишнего повода для обострения отношений с ними, несмотря на открыто агрессивный тон заявлений Чиано и самого дуче, не говоря уже о прессе. На демонстративный запрос Рима относительно сохранения в силе соглашения 16 апреля англичане примирительно вежливо ответили, что считают его полностью действующим и по духу, и по букве. Правда, Галифакс напомнил, что в момент оккупации Албании «вполне резонным было считать, что статус-кво в Средиземноморье — основная цель соглашения — было нарушено, но Англия сознательно воздержалась от такой постановки вопроса»¹²¹. Трудно представить более убедительное разоблачение фальши официальных заявлений Лондона о неизменности средиземноморского статус-кво в результате албанской акции.

В этом же послании англичане дали ответ на упреки итальянцев в радикальном изменении общего курса британского правительства и принятии «политики окружения». «Верно, — писал Галифакс, — что после Чехословакии и Албании мы взяли на вооружение новый метод... Но цель политики остается прежней. Она состоит в том, чтобы обеспечить осуществление необходимых и справедливых (с точки зрения фашистских держав. — А. Ч.) изменений не силой или угрозой ее применения, а мирным путем в процессе переговоров»¹²². Таким образом, Лондон в самой откровенной форме подтвердил существо мюнхенского курса своей политики. Однако его особенность на данном этапе состояла в постепенном принятии мер для укрепления средиземноморских и ближневосточных форпостов Британской империи.

Заседание Комитета внешней политики 19—20 июня и его решения показали дальнейшее усиление внимания британских правящих кругов к этому вопросу. С весны 1939 г. оборона Восточного Средиземноморья приобретала гораздо больший вес в глобальной стратегии Лондона. Если раньше он был готов скорее оставить Средиземное море, чем пожертвовать своими позициями в дальневосточных водах, то теперь такой уверенности не было.

Политика Англии в Юго-Восточной Европе весной 1939 г. оказала противоречивое воздействие на вопрос обороны Восточного Средиземноморья. Гарантии Греции и Румынии и особенно англоторецкая декларация улучшили стратегическое положение Великобритании в этом районе, а ее курс на сохранение в силе соглашения 16 апреля 1938 г. и сближение с Италией позволяли надеяться на посылку крупного линейного флота на Дальний Восток за счет резкого сокращения средиземноморского флота. Поэтому адмирал Четфилд на указанном заседании Комитета внешней политики

¹²¹ DBFP, ser. 3, vol. 5, p. 765.

¹²² Ibidem. Галифакс изложил эту мысль в несколько иной форме и применительно к обоим партнерам по оси в своем выступлении в палате лордов 8 июня 1939 г. — См.: "The Times", 9. VI. 1939.

поставил вопрос о том, есть ли необходимость держать в Средиземном море 3 британских и 3 французских линкора ¹²³.

С другой стороны, усиление агрессивности фашистских держав и возможность германского наступления на юго-восток резко повысили значение английских позиций в Восточном Средиземноморье как тыла в борьбе за Турцию и Южные Балканы. На заседании комитета отмечалось, что «создание фронта мира (политика гарантий и союзов в Восточной и Юго-Восточной Европе.— А. Ч.) весьма затрудняет вывод британского флота из Средиземного моря» ¹²⁴. Министр координации обороны и комитет начальников штабов согласились, что сосредоточение крупного линейного флота в районе Суэца, способного действовать в Средиземном море и одновременно готового к переброске в Индийский океан или на Дальний Восток, будет более эффективным, чем просто отправка двух-трех линкоров в Сингапур ¹²⁵.

Однако и этот вариант уже не удовлетворял правительство. На второй день заседания Чемберлен заявил: «Поскольку мы сможем послать крупные силы флота на Дальний Восток лишь за счет оставления наших морских позиций на Средиземном море, необходимо предпринять любые усилия, чтобы разрешить конфликт с Японией мирным путем. Мы должны пойти на риск посылки флота на Дальний Восток лишь в том случае, если Япония сделает наше положение там невыносимым» ¹²⁶. Таким образом, Лондон поставил приоритет обороны позиций в Восточном Средиземноморье выше защиты британских позиций на Дальнем Востоке. Тем самым он был готов вызвать глубокое недовольство Австралии и Новой Зеландии, поскольку краеугольным камнем обороны этих доминионов являлось твердое обещание послать линейный флот в дальневосточные воды вплоть до вывода линкоров из Средиземного моря, если позиция Японии станет угрожающей. Весной 1939 г. это обещание было снято ¹²⁷.

22 июня 1939 г. стало известно о завершении упомянутых переговоров руководителей военно-морских сил стран оси. Западные державы увидели в этом факте подтверждение экспансионистских устремлений блока фашистских держав в Средиземном море и на Ближнем Востоке. Промедление с завершением франко-турецких переговоров становилось явно нежелательным для Запада. 23 июня была подписана декларация между Францией и Турцией, аналогичная англо-турецкой. Тем самым было дано понять, что Лондон

---

¹²³ PRO, Cab. 27/624, FPC(36)52, p. 147.

¹²⁴ Ibid., p. 148.

¹²⁵ Ibid., p. 147.

¹²⁶ Ibid., p. 173.

¹²⁷ В качестве компенсации англичане добились перевода части атлантического флота США в Тихий океан.— См.: The Diaries of Sir A. Cadogan 1938—1945, p. 172.

и Париж готовятся принять решительные меры в случае продвижения оси к Эгейскому морю и Ближнему Востоку¹²⁸.

Итак, переговоры участников «стального пакта» и политико-дипломатические акции западных союзников в мае — июне 1939 г. наряду с фактическим саботажем англо-франко-советских переговоров означали завершение первой фазы в развитии предвоенного политического кризиса в Европе. Обе группировки создали военно-политические механизмы для прямой вооруженной борьбы друг с другом. Фашистские державы, определив первоочередные направления своих агрессивных действий, лишь ожидали благоприятных условий для нанесения удара.

Англия и Франция, укрепив систему обороны своих империалистических позиций на Средиземном море и Ближнем Востоке, на следующем этапе предвоенного политического кризиса — с конца июня до 23 августа 1939 г. — предприняли энергичные усилия для достижения сговора с агрессорами на основе отказа от соглашения с Советским Союзом и получения гарантий восточного направления гитлеровской экспансии. Однако острота межимпериалистических противоречий и дальновидность советской дипломатии сорвали эти опасные для всего мира замыслы англо-французских мюнхенцев.

---

¹²⁸ И. Н. Чемпалов. Политика великих держав на Балканах..., с. 95—96.